

5. Второй роман Н.Казандзакиса, связанный с тем же сюжетом, "Последнее искушение" (1955) на русский язык не переведен, хотя его экранная версия принесла писателю всемирную известность. Впрочем, переведенный в 1962 г. роман "Христа распинают вновь" остается практически непрокомментированным.

6. Достоевский Ф.М. Указ. соч. С.175.

7. Карякин Ю.Ф. Достоевский и канун XXI века. М.,1989. С.99.

8. См.: Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. М. 1953. С.424, 425.

9. Казандзакис Н. Христа распинают вновь. Пер. Я.Мочоса и И.Португальского. М. 1962. С.419.

10. См.: Поспелов Г.Г. О понимании времени в живописи 1870-1890-х годов // Типология русского реализма второй половины XIX века. М., 1979. С.169-217; Андреева Л.В. Картина Репина "Не ждали" // Там же. С.218-251.

11. Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т.20. С.173.

Э.А.Тамаркина

ИВАН-ДУРАК – НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГЕРОЙ РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ

С именем Ивана-дурака связано представление о некоторых особенностях русского национального характера. Для русского человека в Иване понятна "дурость" внешняя (даже игра), непредсказуемость, которые сочетаются с беспредельной добротой. Эти качества сформировались в русском народе исторически, начиная с самого раннего периода становления государственности. Русский человек сохранял душевную открытость, сопричастность окружающему миру, который всегда являлся для него "своей общиной".

Истоки характерных особенностей героя русских народных сказок восходят к периоду разложения родового строя. Основные качества и свойства Ивана-дурака нашли отражение в сказках волшебных, переходных от волшебных к бытовым и бытовых. Поэтому сказки с полным пра-

вом можно назвать не только энциклопедией народной жизни, но и народной души.

Принцип историзма является в сказке основным, от него зависит конфликт и сфера действия героя¹. Мир сказки непосредственно связан с эволюцией народного сознания от древних анимистических представлений, тотемизма, переосмысления древней мифологии до многослойного его раскрытия.

Иван народных сказок – зеркало этого мира, и его мир – одухотворенная природа и её стихии. Он связан с тотемными животными, птицами, рыбами, пресмыкающимися. Он герой своего рода, ему приписываются разнообразные подвиги и поступки. Рассказы о “культурном герое”², уступившие место народной сказке, дошли до нас в форме художественного творчества народа, вобравшего в себя идейные и эстетические наслоения многих веков.

В основе сказки можно увидеть как элементы древней обрядности, так и эволюцию последней. Об этом свидетельствует и образ основного героя сказок – Ивана. В волшебной сказке он преимущественно идеальный герой (при всём разнообразии типов он чаще всего – царевич), и судьба всегда награждает его счастьем, сущность которого раскрывается только частично – это восстановленная семья и полцарства, с которым что он “делать будет дальше – неизвестно”³. В сказках переходного типа он изгой в глазах окружающих, но, как и в волшебных, победа всегда на его стороне, однако и здесь неизвестно, что он будет делать с своей половиной царства – “должно быть, бросит. Царство, в котором царствуют дураки, – не от мира сего”³. В сказках бытового плана образ Ивана-дурака приобретает многослойный смысл, зависящий от жанровых модификаций данного типа сказок (авантюрно-новеллистические, сатирические, сказки-анекдоты).

Оставляя в стороне сказки волшебные и сказки переходного типа, обратим внимание на героя бытового цикла, так как в нём, на наш взгляд, нашли более яркое воплощение черты русского национального менталитета. На генезис героя сказок данного типа указывали в своих работах Д.С.Лихачев, В.Я.Пропп, Е.М. Мелетинский, Ю.И.Юдин, а в дооктябрьский период интересные высказывания были сделаны Е.М.Трубецким. Все они отмечали доклассовую основу отдельных сказочных мотивов: одухотворение бытовых предметов, природы и природных явлений, тотемную связь с миром диких и домашних животных. В.Я.Пропп раскрыл сущность временного безумия посвящаемого, восходящее к обряду инициации⁴. В

образе дурака также были отмечены черты, восходящие к народной мифологии⁵. К этому следует добавить мотив противостояния “чужого” мира своему, родному (исходя из первоначального значения понятия “чужой” мир – мир вне диаспоры, рода⁶, а в позднем значении “чужой мир” - это мир внехристианской общины). Указанные и другие мотивы важны еще потому, что это – та форма, в которую выливается взаимодействие традиции и её эволюции⁷. Ряд из указанных выше мотивов присутствует, по мнению некоторых исследователей, у разных народов мира, так как “отражает критически переосмысленные мифологические, тотемистические, шаманистские представления”⁸. Как и у других народов, в русском фольклоре сказочные мотивы на протяжении длительного исторического пути развития народа отразили его духовный потенциал, выразившийся в художественной форме.

Герой русских народных сказок - дурак - предстает в трех разновидностях. Первая из них – “добрый”. Это – младший сын, который является основным героем. Униженный и обездоленный старшими братьями, он за свою доброту и верность традиционным нормам жизни не только награждается. В сказках бытовых доброта младшего сына пародируется, так как это доброта дурня. Её безмерность всегда оборачивается глупостью. Это первый тип дурака – тип “блаженного”, человека “не от мира сего”. Этот тип восходит к народным представлениям о юродивых на Руси. “Юродивый” и “дурак – это в сущности синонимы”⁹. Но если настоящее юродство – это христианский подвиг, юродивый в своих высказываниях и поступках всегда правдив, то в сказке оно не настоящее, несмотря на то, что для дурака, как и для юродивого, не существует принятых в мире условностей. Его правда, вывернутая “наизнанку”, проступает в своей парадоксальности: если первоначально “его противостояние миру выглядит как конфликт глупости и здравого смысла”, то в итоге выясняется, что “глупость эта притворная или мнимая, а здравый смысл сродни подлости”¹⁰. Иногда даже кажется, что ему дано высшее знание, то, что не понять простым смертным, “словно он угадывает мудрость каким-то вещим инстинктом”¹¹. Попадая в нелепые ситуации, совершая необычные и курьезные поступки, дурак помогал увидеть подлинную суть жизненных явлений, заставляя задуматься над проблемами бытия.

Нравственные и психологические конфликты являются основой сказок с типом дурака-юродивого. Для него характерна своя манера мыслить, чувствовать и откликаться на происходящее. Это верхний слой бытовой

сказки, так как здесь проявился в концентрированном виде положительный заряд народной души. Вероятно, поэтому “дурость” сказочного персонажа не вызывает осуждения и в его оценке оказываются соединены взаимоисключающие понятия — насмешка и своеобразная симпатия. Парадоксальные ситуации, в которые попадает дурак, неразрывно связаны с пародированием и с высшей итоговой позицией: дурак может действовать невпопад, но как раз так, как нужно поступать с точки зрения христианской морали. Для него характерно сочувствие и сострадание ближнему. Для него весь мир — родня: он угощает ворон говядиной — “Сестрицы-голубушки, кушайте на здоровье” (Аф. № 400)¹², надевает “шапки”-горшки то на пни — “Ребята-то без шапок, ведь озябнут сердечные” (Аф. № 400), — то на верстовые столбы (Аф. № 401), то кормит свою тень клецками, а в результате — братья остаются без обеда (Аф. № 400). Доброта того же рода проступает в ситуациях, когда он ссыпает соль или в реку, стараясь напоить лошадь (Аф. № 400), или в озеро, из которого пьёт собака (Аф. № 401). Народ точно и лаконично в пословицах дал определение такой доброте — “Доброта хуже воровства” (вор столько не унесёт, сколько сделает человек с неадекватной реакцией на ситуацию).

Дурак не только сочувствует ближнему, он ещё и доверчив. Это качество проявляется в парадоксальной форме: одно из лучших качеств человека оказывается вывернутым наизнанку. Так, дурак верит берёзе, что она отдаст ему деньги за оставленного (якобы проданного) около неё быка, причисляя её к своей родне, называя — “земляком” (Аф. № 402). Награда за доверительное отношение к миру — элемент случайности (например, найденный в дупле берёзы котёл с золотом). Случайность влечёт за собой необходимость. То, что делает младшего сына дураком в глазах окружающих — равнодушие к богатству (отдает клад “умным” братьям), — опять же проявляется в своей парадоксальности: не братья, а дурак отвечает “нормальной” реакцией на посягнувшего на привалившее им богатство — убивает дьячка ударом топора. Заповеди¹³ “не завидуй ближнему своему”(10), “не укради”(6), “не убий”(8) оказываются в сказочной ситуации взаимозависимы: нарушение одной приводит к нарушению другой. Зло оказывается безнаказанным и более того — высмеянным (вместо дьячка разыскивающим его людям показывают козлиную голову). Сказка заставляет задуматься над сутью поступков дурака, в ней не высказывается прямо отношения к нему.

Через образ юродствующего дурака в перевёрнутом виде проступает ещё одна христианская заповедь – “чти отца твоего и мать твою” (5). Поэтому буквальное выполнение наказов матери – “потереться около людей и ума набраться”, пожелание “носить – не переносить”, “слёзно плакать да поклоны бить” приводит к трагическим ситуациям (Аф. № 403-404). Дурака ничто не может остановить в послушании старшим и желании угодить им. Оставленный братьями пасти овец, он, пытаясь собрать стадо, стал их ловить и выдирать глаза, чтобы не разбрелись по полю вновь (Аф. № 400).

В сказке в перевёрнутом виде даны не только некоторые из “Десяти заповедей Божьих”, но также и ряд “Заповедей блаженства”¹⁴. Так, заповедь “Блаженный есть, когда поносят вас...” (11) в сказке через восприятие дурака демонстрирует человеческую глупость, ибо он неправильно трактует услышанное. Бряканье ложек в котомке дурак воспринимает как поношение: “бряк-бряк” – “дурак”. Так же интерпретируются им звуки бродящего пива, которое он выпускает из кадки (Аф. № 400). В последнем примере, возможно, проявляется и негативное отношение народа к хмельному напитку, как в варианте этой сказки (Аф. № 401).

В сказке Божьи заповеди не только пародируются, но и находят прямое своё отражение. Это, прежде всего, заповеди “Блаженны милостивые...” (5), “Блаженны чистые сердцем...” (6), “Блаженны миротворцы...” (7), “Блаженны изгнанные правды ради...” (8). Дурак в сказке бескорыстен, чист сердцем, нерасчетлив. Эти и многие другие качества выводят его за рамки поведения “нормальных людей”. Он из другого мира, “не от мира сего”. Его мир двупланов – для обычных людей он непонятен и смешон, для тех же, кто понимает его, он особо значим¹⁵. Непонимание дурака окружающими приводит к тому, что он отвергается ими и поэтому часто бывает бит. Дурак постоянно вызывает на себя и смех и гнев, но при этом он, как зеркало, отражает то, что должно быть сутью “нормальных людей”. Проявление в перевёрнутом виде через данный тип основных морально-этических норм человечества ещё резче оттеняет и обнажает мир расчёта и практицизма. С формальной стороны позиция персонажа иногда может выглядеть позицией “себе на уме”. Дурак поступает “вопреки всяким расчётам, словно по какому-то наитию или по чьему-либо внушению”¹¹. И данная позиция вызывает раздумье, так как её нужно суметь разгадать.

Другой тип дурака в бытовых сказках – это тип дурака истинного. Он напоминает механическую куклу, марионетку с определённым набором

действий и поэтому не способен на какой-либо сознательный самостоятельный поступок. Это нижний слой бытовой сказки. Истинный дурак не способен осознать своей глупости. Глупость как суть природы может быть индивидуальной и коллективной – тупостью толпы, которой руководит стадное начало (толпа страшна тем, что она не выносит индивидуальности, предпочитает, чтобы все были равны в мире тупости и отсутствия инициативы). В сказках для дурака характерен ограниченный набор подражательных поступков, связанных с охотой, земледелием, каким-либо видом труда в домашнем хозяйстве. Он отражает психологию крестьянской общины, для которой весь мир разделяется, как в глубочайшей древности, на “свой” и “чужой”⁶, но оба мира сходны в том, что лишены здравого смысла. Глупость, характерная для представителей данных миров, развивается по нарастающей – по линии усиления нелепостей, а иногда – пустой мечтательности (“летание в облаках”).

Это образы глупцов, которых встречает сказочный персонаж Лутоня, путешествуя по свету. Глупость преследует его, начиная с родительского дома (Аф. № 405-406). Так, отец и мать его голосят по поводу возможных будущих несчастий: убийства поленом еще нерожденного внука (Аф. № 405), старушка-мать отдаёт почти всё запасённое на зиму мясо прохожему, назвавшемуся Весной, на основании реплики Лутони: “Весна придёт – всё подберёт” (Аф. № 406). Глупость сопровождает Лутоню на протяжении всего его путешествия. То он видит, как мужики тащат на крышу избы корову, так как там выросло много травы. В другом месте он видит, как, запрягая лошадь, мужики пытаются вогнать её в хомут и т.д. На протяжении своего путешествия Лутоня наблюдает, что людская глупость нарастает, как снежный ком. Поняв, что этот процесс бесконечный, и что мечта найти разумное в жизни обречена на неудачу, так как оба мира – “свой” и “чужой” – абсурдны, он возвращается в родной дом.

К галерее глупцов-неудачников можно отнести Фому и Ерёму (Аф. № 4010-411). Мотив дороги, по которой они передвигаются, ещё раз помогает вскрыть всю глубину несовершенства мира, так как всё, что встречается им на пути, как и у Лутони, лишено смысла. Все, встреченные и в лесу, и на реке, и в поле, и в городе, и даже в церкви, невероятно отсталы и тупы. Герои изо всех сил пытаются действовать, но не достигают цели. Обесмысленное бытие приводит к никчемной суете. Но сказка заставляет задуматься о месте человека в мире, о жизненных основах и о том, к чему может привести отсутствие личностного начала. В.Я.Пропп высказал мысль о том, что в

сказках о “коллективной глупости” отсутствует сознательная сатирическая направленность; главное в них – не сатира, а “здоровый смех, доставляющий удовольствие”¹⁶. Именно он обретает в сказках подобного типа глубокий философский смысл.

Третий тип глупца в бытовых сказках – промежуточный между двумя предыдущими, так как в них дурость героя явно мнимая, внешняя. Этот тип близок к сказочному шуту, который видит несовершенство мира, и что самый большой дурак тот, который не понимает, что он дурак, и его легко провести. Для дурака типа шута характерно, что он “смеется”, когда “валяет дурака”, его позиция – быть “себе на уме”, и этим он воздействует на окружающих. Его характеризует ум, находчивость, изворотливость (не путать с истинным типом шута – Аф. № 397-399). Проявляется он в тех сказочных ситуациях, в которых появляется необходимость указать на какие-либо недостатки и осудить их. Все они имеют общечеловеческий характер: жадность, глупость, лень, упрямство, болтливость и т.д.

В сказке “Мертвое тело” (Аф. № 395-396), дурак, обездоленный братьями, при помощи шутовских манипуляций с телом умершей матери (кричит при братьях с чердака своего дома, что “матушку убили”, не уступает дорогу барину и обвиняет его в том, что тот “матушку до смерти зашиб”, или обвиняет в убийстве матери попадью, которая якобы застала старуху за снятием с крынок сметаны и в завершение провоцирует братьев на убийство и продажу своих жен (Аф. № 395), достигает материального благополучия. В другом варианте (Аф. № 396) дурак убивает в огороде мать, приняв её за вора. Чтобы спрятать концы, он везет мать в санях под видом царской золотошвейки, и ситуация повторяется, как и в предыдущем варианте (не сворачивает с дороги и обвиняет встречного чиновника, перевернувшего сани, в убийстве матери). Оба варианта имеют однотипную концовку. В одном, получив деньги и расставшись с братьями, которых за убийство жен заковали в кандалы и сослали в Сибирь, “дурак (...) зажил припеваючи, мать поминаючи” (Аф. № 395). В другом дурак “приехал к отцу, к братьям, и стали все вместе жить да быть” (Аф. № 396).

Шутовство подобного типа жестоко и далеко отстоит от подлинной и мнимой дурости. Сказок с дураком такого типа в русском фольклоре немного. Активность во имя личного материального достатка не была популярной у русского народа. Ему ближе общинные позиции – жить, как все, духовно и материально. И поэтому только допускается позиция – извер-

нуться, использовать глупость окружающих, чтобы достичь своей цели. Но и этот тип дурака раскрывает одну из граней национального характера. Структура бытовых сказок о дураке неустойчива и komponуется на основании использования не только отдельных мотивов, но и клишированных стереотипных приемов. Многие сказки о дураках строятся по цепочному принципу, когда через цепь незначительных, на первый взгляд, поступков создается комический эффект, посредством которого выявляется суть героев и их действий. В сказках обычное место действия – крестьянский дом, семья, крестьянская община, которые могут расширяться в результате использования мотива пути-дороги. Герои сказок не имеют портретной характеристики. Только иногда встречается оценочная позиция: “Жил-был старик, у него было три сына: двое умных, третий дурак” (Аф. № 402), “Жил-был старик со старухой, имели при себе одного сына и то дурака” (Аф. № 403), “В одной семье жил-был дурак набитый” (Аф. № 404).

Ведущим стереотипом в функциональной основе сказочного персонажа является прием оглупления: мышления по аналогии (Аф. № 400-401), или стереотипность мышления (Аф. № 405-406). Другим приемом оглупления может быть прием бинарности поступков действующих лиц, который сродни закону “зеркальной симметрии”⁷ (Аф. № 410-411). Третьим можно назвать стереотипное поведение, например, “пустая мечтательность” (Аф. № 405).

Огромную роль, как уже отмечалось, в бытовой сказке играет смех. Если обрядовый смех, как и обрядовый плач, нес определенную функциональную и эмоциональную нагрузку, то во внеобрядовой сфере использование их по прямому назначению приобретает комический эффект (Аф. № 405). Утверждение нормы в сказках о дураке дается посредством осмеяния несовершенного, расколотого мира. Народный смех не только веселит, он и воспитывает, и карает.

Все типы дурака в бытовых сказках - грани одного, но высвеченного с разных сторон типа. Дурак, близкий к юродивому, “блаженный” был близок и понятен, так как народ видел в нем свои лучшие качества – доброту, бескорыстие, отзывчивость, сопричастность миру, готовность все отдать ближнему и пострадать за него. Образ действительного дурака отразил неприятие народом таких качеств, как непроходимая тупость и лень. Тип, близкий к шуту, тоже находил отзыв в душе народа, прежде всего своей смекалкой, умением ловко выйти из любой ситуации и достичь своей цели.

В итоге можно сказать, что сказочный образ Ивана-дурака много-слоен. И если Иван бытовых сказок в целом образ не идеальный, то все же за ним стоит народ с его мудрой позицией, призывающей к здравому смыслу. Иван-дурак как национальный герой русских народных сказок есть обобщение качеств и свойств русского человека в сложившихся исторически условиях. Его образ составляет ментальную основу народа - душевно богатого, умеющего посмотреть на себя со стороны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вавилова М.А. Эволюция некоторых разновидностей русской бытовой сказки. М., 1971. С.17.
2. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976. С.262-276.
3. Лихачев Д. Заметки о русском. М., 1984. С.14.
4. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. М., 1976. С.90.
5. Костюхин Е.А. Типы и формы животного эпоса. М., 1987. Гл.І. С.31.
6. Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990. Гл.ІІ. С.85, 90-91.
7. Вавилова М.А. Указ.соч. С.16.
8. Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. М., 1958. С.236.
9. Лихачев Д.С., Панченко А.И., Понырко Н.В.. Смех в древней Руси. Л., 1984. С.100.
10. Там же. С.100-101.
11. Трубецкой Е. "Иное царство" и его искатели в русской сказке // Литературная учеба. Кн.ІІ. Март-апрель 1990. С.112.
12. Русские народные сказки А.Н.Афанасьева: В 3 т. М., 1958. Все ссылки будут даны по 3-ему т. издания с ук. номера сюжета в скобках.
13. Закон Божий. Изд. 4. М., 1987. С.567.
14. Слово жизни. Новый завет в современном переводе. М., 1991. Евангелие от Матфея. Гл.5. С.10.
15. Юдин Ю.И. Русская народная бытовая сказка и история // Русский фольклор. Т.16. Л., 1976. С.152-153.
16. Пропп В.Я.. Указ. соч. С.85.